

Соловьев Всеволод Сергеевич

Великий розенкрейцер

Роман XVIII в. в 3 частях.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Сергеевич С.**
Великий розенкрейцер: Роман XVIII в. в 3 частях. / Соловьев Всеволод Сергеевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 380 с.

ISBN 978-5-519-74710-3

ISBN 978-5-519-74710-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЕЛИКІЙ РОЗЕНКРЕЙЦЕРЪ.

Часть первая.

I.

Императрица была очень огорчена мгновенной и таинственной смертью молодой графини Зонненфельдъ. Впечатлѣніе было тѣмъ болѣе сильно, что эта смерть случилась такъ близко отъ нея, въ зданіи дворца, въ помѣщеніи камеръ-фрейлины Каменевой.

Царица чувствовала большую симпатію къ покойной; узнавъ объ ея безвременной смерти, она даже не удержалась отъ слезъ,—а она рѣдко поддавалась такой слабости. Ей представилось юное, прелестное лицо бывшей княжны Калатаровой такимъ, какимъ она видѣла его въ первый разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда молодая дѣвушка, почти ребенокъ, была ей представлена. Ей вспомнился слишкомъ внезапный и необдуманный бракъ княжны съ нѣмецкимъ дипломатомъ, потомъ скандалъ развода и послѣднее свиданіе съ графиней Еленой. Недаромъ царицѣ было какъ-то особенно тяжело послѣ этого свиданія—вѣдь ужъ тогда преображенное, болѣе чѣмъ когда-либо прекрасное, исполненное страданія лицо молодой

женщины ясно говорило о приближавшейся катастрофѣ. Вѣдь и тогда, еслибы только царица хотѣла разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, она должна была видѣть, что такія страданія не могутъ пройти, не могутъ кончиться ничѣмъ инымъ, какъ смертью.

Да, она могла-бы все видѣть и понять, могла-бы знать, что это свиданіе ея съ несчастной красавицей—последнее свиданіе. Только вѣдь человѣкъ все понимаетъ и обо всемъ догадывается слишкомъ поздно, когда уже ничѣмъ помочь, когда судьба совершилась. Да и чѣмъ-бы она могла помочь? Передъ судьбою все могущество, вся власть человѣческая—ничтожны...

И вотъ графиня Зонненфельдъ умерла, умерла отъ страданія, котораго нельзя было пережить. Но въ чемъ заключалось это страданіе, это безысходное горе ея жизни—царица не знала. И ей захотѣлось узнать эту тайну.

У великой Екатерины было свойство весьма немногихъ людей, являющееся въ большинствѣ случаевъ однимъ изъ признаковъ гениальности и объясняющее необычайную плодотворность дѣятельности царицы—она умѣла заключить въ себѣ цѣлый міръ самыхъ противоположныхъ интересовъ, неимѣющихъ ровно никакого между собою отношенія. Она умѣла отдаваться каждому изъ этихъ интересовъ всецѣло и съ необыкновенной легкостью переходила отъ одного къ другому, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ производила смѣну самыхъ разнородныхъ занятій.

Каждый день ея проходилъ такъ: одинъ часъ—кипучая законодательная работа, другой часъ—обсужденіе различныхъ текущихъ государственныхъ дѣлъ, третій—творческое вложеніе, изображеніе жизни въ формѣ литературныхъ произведеній, по преимуществу комедій—этой самой сжатой и живой литературной формѣ. Затѣмъ, не чувствуя никакого утом-

ленія и забывая всё только что покинутыя ею занятія, какъ-будто ихъ никогда не было, царица призывала къ себѣ внука, великаго князя Александра, и давала ему урокъ—вела съ нимъ строго-обдуманную бесѣду, которая всегда прибавляла что-нибудь къ развитію будущаго наслѣдника русскаго престола.

Но вотъ и этотъ часъ прошелъ, великій князь удаляется. Теперь передъ государыней цѣлая груда запечатанныхъ пакетовъ. Ея корреспонденты изъ разныхъ мѣстъ Россіи, а также заграничные друзья ея, главнымъ образомъ баронъ Гриммъ, сообщаютъ ей о всевозможныхъ дѣлахъ и предметахъ. И она не пропускаетъ ничего, заинтересована всѣмъ, начиная отъ вопросовъ большой важности и кончая самыми мелочными дѣлами. На каждое письмо готовъ ея отвѣтъ, принято новое рѣшеніе, созрѣваетъ новый планъ...

Затѣмъ наступаетъ злоба дня и царица, свѣжая и свободная отъ всякихъ заботъ, отъ всякихъ тревогъ и постороннихъ мыслей, будто только что проснувшаяся послѣ крѣпкаго, освѣжающаго сна, отдается этой злобѣ дня. Ея невѣроятная память хранить въ себѣ цѣлую безконечность впечатлѣній, она никого и ничего не забываетъ, знаетъ подробно все, относящееся не только до окружающихъ ее людей, но даже и до такихъ лицъ, о которыхъ она имѣетъ свѣдѣнія лишь по наслышкѣ. Что разъ вошло въ мозгъ или въ чувство этой удивительной женщины, то ужъ и не исчезаетъ, а живетъ въ нихъ, незамѣтно переходя изъ настоящаго въ прошедшее и навсегда затѣмъ сохраняясь въ складахъ всеобъемлющей памяти. Внутренній міръ Екатерины—это самая удивительная лабораторія, и заглядывать въ эту лабораторію всегда интересно для наблюдателя жизни...

Такимъ образомъ и теперь, подъ впечатлѣніемъ смерти графини Зонненфельдъ, царица на извѣстное время всецѣло

отдалась смутившимъ ее впечатлѣніямъ. Она вообще не любила думать о смерти и гнала отъ себя мысль о ней,—эта же безвременная смерть существа юнаго, прекраснаго, исполненнаго всякихъ талантовъ, рожденнаго, казалось, для долгой и счастливой жизни, глубоко возмутила ее. Одинъ мигъ—и нѣтъ человѣка, и вмѣстѣ съ человѣкомъ рушится, уничтожается цѣлый разнообразный міръ, въ немъ заключавшійся... Время!.. Она оглядывалась назадъ и видѣла, какъ невѣроятно быстро мчится это время, съ какой ужасающей торопливостью уходятъ годы одинъ за другимъ. Такъ недавно сама она была молода, и жизнь казалась ей какою-то безконечностью, а теперь вотъ уже давно ушла молодость... Кто знаетъ, быть можетъ скоро придетъ смерть, внезапно, неожиданно-негаданно, и оборветъ всѣ разнообразныя, вѣчно трепещущія нити, связывающія царицу съ окружающей ее жизнью и мощно вліяющія на эту окружающую жизнь.

Екатерина чувствовала, что она не можетъ умереть, что она не должна умереть, что ей необходимо жить долго, и для себя и для другихъ. А между тѣмъ она не могла справиться съ поднимавшимися въ ея душѣ сомнѣніями, не могла отогнать отъ себя, въ извѣстныя минуты, призрака смерти—и мучилась этимъ.

Она всѣмъ говорила, что проживетъ долго. Въ одномъ полуслутиливомъ, полусерьезномъ разговорѣ со своимъ пріятелемъ Дидро, или, какъ его называли при дворѣ, господиномъ Дидеротомъ, она нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсуждая о Петрѣ Великомъ, сказала:

— О, я еще не скоро съ нимъ увижусь, хотя мнѣ и очень хочется съ нимъ побесѣдовать. Раньше какъ въ восемьдесятъ лѣтъ я не сдѣлаю ему визита...

А между тѣмъ, говоря это, она съ ужасомъ помышляла о томъ, что этотъ визитъ можетъ произойти и гораздо рань-

ше. Какъ-бы то ни было, теперь снова, мучительно и почти болѣзненно, она думала о смерти. И въ то-же время ей хотѣлось, страстно хотѣлось разглядѣть и узнать то тайное горе, которое безжалостно свело въ могилу красавицу графиню. Конечно ей не трудно было догадаться, что это горе была любовь. Да, это ясно!—Екатерина изъ словъ несчастной молодой женщины, во время ихъ послѣдняго свиданія, поняла это. Но любовь къ кому? Кого такъ безнадежно, такъ смертельно могла любить красавица? Кто могъ нанести такой ударъ сердцу этой плѣнительной женщины? И какая связь можетъ быть между ея неожиданной смертью и другою красавицей, Зиной Каменевою? Вѣдь онѣ не знали другъ друга, между ними не было и не могло быть ничего общаго. Зина совсѣмъ ребенокъ — что-же общаго? А между тѣмъ вѣдь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ связи между смертью графини и Зиной! Къ ней являлась несчастная, у нихъ было какое-то объясненіе—объ этомъ знаетъ Марья Савишна Перексихина, которая все знаетъ—и во время этого объясненія графиня упала мертвой.

Царицѣ было извѣстно, что Зина Каменева не отходила отъ гроба покойницы и выражала всѣ признаки особенно тяжкаго горя, какъ будто умерла ея самая дорогая, самая близкая подруга. Царица ѣздила поклониться праху усопшей и видѣла Зину у гроба, похудѣвшею, измученною.

Графиню похоронили. Зина вернулась къ себѣ и цѣлую недѣлю пролежала. Роджерсонъ, по приказанію царицы, нѣсколько разъ въ день навѣщалъ ее и каждое утро докладывалъ Екатеринѣ о состояніи больной.

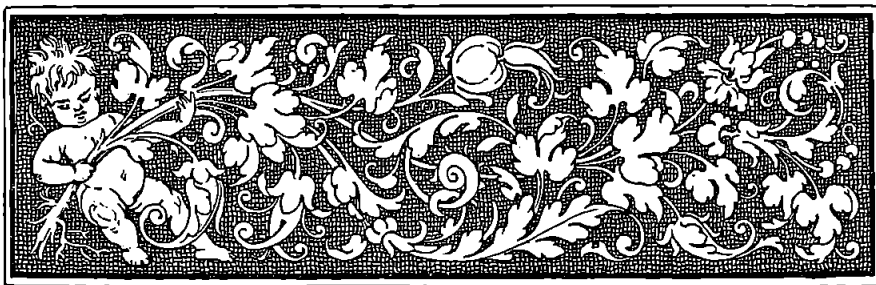
Роджерсонъ не видѣлъ ровно ничего особеннаго въ этой болѣзни. Молодая дѣвушка очень впечатлительна и чувствительна; неожиданная смерть хоть и совсѣмъ посторонней для нея женщины, но у нея на глазахъ, во время разговора съ

нею, не могла не потрясти ее. Въ первые дни она была возбуждена, проявляла усиленную дѣятельность, ну, а затѣмъ неизбежно произошла реакція, ослабленіе.

Однако юность и хорошее здоровье, съ соединеніи съ лѣкарствами, по увѣренію Роджерсона, дѣйствовали быстро. Прошло нѣсколько дней—и лейбъ-медикъ объявилъ императрицѣ, что камеръ-фрейлина Каменева совсѣмъ здорова, совсѣмъ поправилась, что ее даже вредно держать въ ея комнатахъ, что она должна приступить къ исполненію своихъ обязанностей и вообще смѣна впечатлѣній, развлеченія и доброта государыни окончательно изгладятъ въ ней всѣ слѣды пережитаго потрясенія.

Въ тотъ-же день Зина была призвана къ царицѣ. Внимательно взглянувъ на молодую дѣвушку, Екатерина увидѣла, что Роджерсонъ правъ, что Зина дѣйствительно выздоровѣла. На ея щеки вернулась здоровая краска. Но все же она очевидно вовсе не спокойна, въ ней замѣтна какая-то особенная задумчивость, какой прежде не было. Это понятно,—иначе быть не можетъ. Екатерина рѣшилась осторожно вывѣдать и узнать интересовавшую ее тайну.

II.

Дитя мое, сказала царица, въ то время какъ Зина склоняясь цѣловала ея руку,—я очень рада, что ты здорова и что розы попрежнему цвѣтутъ на твоихъ щечкахъ.

И при этомъ она нѣжно погладила Зину по щекѣ своей маленькой мягкой рукою.

— Но дѣло въ томъ, что ты у меня въ долгу, ты пропустила не одно дежурство, а посему изволь-ка подежурить и сегодня, и завтра. Мнѣ нынче какъ-то не по себѣ, ужъ вечеромъ у меня не будетъ никакого пріема и я не двинусь съ мѣста. Въ восемь часовъ я позову тебя и ты будешь мнѣ читать.

Зина даже вспыхнула отъ удовольствія. За все время пребыванія ея во дворцѣ у нея выдался одинъ только такой счастливый вечеръ, мѣсяца два тому назадъ: въ теченіе трехъ часовъ она была наединѣ съ государыней и читала ей. Екатерина нѣсколько разъ прерывала чтеніе и бесѣдовала съ Зиной

о прочтенномъ. Эти три часа пролетѣли для смолянки какъ сонъ и, вернувшись къ себѣ, она даже всплакнула отъ радости и спросила себя, за что ей такое счастье? Великая, мудрая, обожаемая царица была такъ близка къ ней, такъ задушевно говорила съ нею, съ такой несказанной добротою и ласковостью поучала ее, открывала передъ нею сокровищницу своей мудрости. Теперь, когда, не смотря на вернувшееся здоровье, въ ея душѣ было очень смутно, тоскливо и даже страшно—на чемъ лучше могла она успокоиться и отдохнуть, какъ не на близости къ царицѣ, какъ не на этихъ часахъ чтенія, на интимной бесѣдѣ съ нею? Зина чувствовала себя теперь особенно одинокой, ближе царицы у нея никого не было. Никого не любила она такъ, съ такимъ дѣтскимъ обожаніемъ, какъ царицу.

Зина весь день ждала этихъ завѣтныхъ восьми часовъ. Наконецъ они пробили, она у государыни, въ ея рабочемъ кабинетѣ, гдѣ никого нѣтъ, гдѣ все погружено въ тихій полумракъ, озаряемый только четырьмя восковыми свѣчами, поставленными на письменномъ столѣ и прикрытыми абажуромъ.

Царица съ видомъ какъ-бы нѣкотораго утомленія полулежитъ на своемъ любимомъ, мягкомъ и низенькомъ креслѣ, прислонясь къ его покатои спинкѣ. Волосы ея уже расчесаны на ночь и спрятаны подъ бѣлымъ чепчикомъ. Она запахнула въ свой сѣрый атласный халатъ, мягкія складки котораго обрисовываютъ ея полную фигуру. Ея маленькія ноги въ теплыхъ туфляхъ вытянуты и лежатъ на большой подушкѣ, и тутъ-же, возлѣ этихъ ногъ, свернувшись, спитъ любимая бѣлая собачка царицы, Лэди.

При входѣ Зины, царица указала ей [на стулъ возлѣ письменнаго стола, ближе къ свѣчамъ, и на раскрытую книгу, лежавшую на столѣ.